

Н.А. Энгельгардт

**Очерк истории Русской
цензуры в связи с развитием
печати**

(1703-1903)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Энгельгардт**
Очерк истории Русской цензуры в связи с развитием печати: (1703-1903) / Н.
А. Энгельгардт – М.: Книга по Требованию, 2015. – 390 с.

ISBN 978-5-517-99717-3

ISBN 978-5-517-99717-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

двѣсти лѣтъ назадъ учрежденіа печати, какъ органа своего выраженія? Нѣтъ, этого не было. Не народная потребность создала печать. Первая газета, первые вѣдомости-куранты возникли по почину и повелѣнію верховной власти.

По почину верховной власти, во второй половинѣ XVIII вѣка нарождается и журналъ. Первую газету не только создалъ Петръ Великій, но даже держалъ корректуру ея первыхъ листовъ. Екатерина Великая тоже писала въ журналахъ, и подъ ея поощрительнымъ починомъ развилась сатирическая журналистика той эпохи.

Съ точки зрѣнія узко-славянофильской газета, журналъ, печать, пресса — явленія искусственныя. Еслибы Петръ не поторопился, все это медленнымъ ростомъ само бы народилось и развилось. Да, но этого не случилось. Петръ «поторонился», и есть то, что есть, а нѣтъ того, чего... нѣтъ. И то, что есть, поглотило столько пота, слезъ, даже крови, что стало дорого, стало роднымъ. А то, чего нѣтъ, того... нѣтъ. А на «нѣтъ», говоритъ пословица, и суда нѣтъ.

Господствующая въ наукѣ теорія требуетъ, чтобы каждому явленію въ исторіи были подысканы причины, ему предшествовавшія и его подготовлявшія. Теорія эта не допускаетъ «катаклизмовъ». Поэтому переворотъ Петра пытаются тоже представить плодомъ медленной эволюціи, не довѣряя современникамъ, которые утверждали, что Петръ привелъ Россію «изъ небытія въ бытіе». Однако, несомнѣннымъ является тотъ фактъ, что Петръ чрезвычайно медленно назрѣвавшее дѣло, донельзя тихо двигавшуюся «эволюцію» превратилъ вдругъ въ бурное стремленіе, въ «революцію».

Историкъ Щербатовъ, попытавшись сдѣлать «примѣрное времяисчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ могла Россія сама собою, безъ самовластиа Петра Великаго, дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ (т. е. при Щербатовѣ) есть», пришелъ къ

убѣжденію, что на это потребовалось бы семь поколѣній—210 лѣтъ. Два столѣтія Петръ сжалъ въ два-три десятка лѣтъ.

Эволюціонисты правы: въ допетровской Руси были зародыши преобразованія, но, предоставленные себѣ, они зрѣли бы еще два вѣка. Россія не на необитаемомъ островѣ и даже не въ горахъ живетъ, а на открытой равнинѣ, на проходномъ дворѣ народовъ изъ Азіи въ Европу. У Россіи не было времени зрѣть. Хочешь — не хочешь, становись сейчасъ плодомъ, хотя бы и «до времени созрѣлымъ». Петръ сумѣлъ вдохнуть въ зародыши будущаго старой Руси бурную силу стремленія, выгнать на паряхъ преобразованіе, превративъ эволюцію въ переворотъ¹⁾.

«Необходимость удовлетворить вѣдугѣ всему должна была неминуемо сообщить нашему такъ-называемому преобразованію характеръ революціонный,—говоритъ С. М. Соловьевъ.—Наша революція начала XVIII вѣка уясняется чрезъ сравненіе ея съ политической революціей, послѣдовавшей во Франціи въ концѣ этого вѣка. Какъ здѣсь, такъ и тамъ болѣзни накопились вслѣдствіе застоя. Въ Россіи одинъ человѣкъ, одаренный небывалою силою, взялъ въ свои руки направленіе революціоннаго движенія, и этотъ человѣкъ былъ прирожденный глава государства. Переворотъ сопровождался страшною борьбою, преобразователь встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ народѣ, слѣдовательно, дѣло преобразованія было дѣломъ насилія со стороны Верховной власти». (Исторія Россіи. Кн. III. 1055—1056).

Однако, сопоставляя французскую революцію и руссійское преобразованіе, мы не можемъ не видѣть, что въ то время, какъ къ первой умы общества были подготовлены вѣковой культурно-идейной работой, ко второму некому было подготовить умы, и, дѣйствуя путемъ насильно втѣсняемыхъ декретовъ, Петръ долженъ былъ тутъ же разъяснять смыслъ, пользу и цѣль своихъ

¹⁾ См. наши статьи: «Философія русскаго самосознанія». *Статья вторая*. Книжки «Недѣли». 1897 г. Февраль. Стр. 215.

дѣйствиѣ. Все человѣчество знаетъ предшественниковъ великой революціи: это—Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты. Но XVIII вѣку предшествовалъ вѣкъ Декарта, Расина, Корнеля, Мольера. А вѣку «короля-солнца» — вѣкъ Франциска, Раблэ и Монтеня, вѣка возрожденія и реформаци, охватившихъ потокомъ мыслп всю Европу. Но кто знаетъ предшественниковъ русскаго преобразования? Въ русскую жизнь это «преобразование» Петръ, этотъ истый сынъ XVIII вѣка, Робеспьеръ на тронѣ, проводилъ кровавымъ терроромъ. Цивилизація... или смерть!

Екатерина Великая, продолжая дѣло Петра, уже прямо, за четверть вѣка до великой революціи, насаждала ея идеи, черпая ихъ у Вольтера, Монтескье, Беккариа, энциклопедистовъ, и въ своемъ «Наказѣ» провозгласила знаменитую формулу: *Liberté, égalité, union des citoyens (fraternité), bonheur commun.* «Déclaration des droits de l'homme et du citoyen» 1789 года и «Instruction de sa Majesté impériale Catherine II pour la commission chargée de dresser le projet d'un nouveau Code de Loix» 1767 г.— въ основахъ своихъ тождественны. Но важнѣйшая статья въ «Instruction» несомнѣнно 6-я: «La Russie est une Puissance Européenne». И поясненіе въ 7-й: «Pierre I, introduisant des moeurs et des coutumes européennes chez une nation d'Europe, trouva des facilités qu'il n'attendait pas lui même».

Замѣтимъ, что французскій подлинникъ «Наказа» гораздо вразумительнѣе русскаго перевода. Напримѣръ, статья 20-я по французски: «Les Loix fondamentales d'un Etat supposent nécessairement des canaux moïens, c'est à dire des Tribunaux, par où se communique la puissance souveraine». Какъ красиво сказано!

Ну, а по-русски выходитъ «иной колѣнокоръ»: «Законы, основаніе державы составляющіе, предполагаютъ малые протоки, сирѣчь нравительства, чрезъ которые изливается власть государева».

Что такое «малыя правительства?» И гдѣ были въ Россіи европейскіе Tribunaux? Нехитрому уму не разгадать и въ вѣкъ.

II.

Первую русскую газету создалъ Петръ. Первый русскій журналъ — Екатерина. Печать въ Россіи возникла по почину свыше, была создана революціей, шедшей сверху. Поэтому сначала печать являлась орудіемъ личныхъ цѣлей Петра и Екатерины и не могла противорѣчить ихъ намѣреніямъ. Однако, со времени Радищева и Карамзина, съ 1790 года, русская печать начинаетъ предъявлять притязанія на самостоятельность. Она хочетъ служить своимъ цѣлямъ, быть выразительницей свободной мысли общества и народа, органомъ общественнаго мнѣнія и судіей жизни народной. Она хочетъ служить дѣлу, а не лицамъ, — идеѣ, Россіи, а не тѣмъ разнообразнымъ противорѣчивымъ «малымъ правительствамъ», которыя существовали въ «европейской» Россіи на мѣсто западныхъ Тібунаух.

Поэтому видимъ замѣчательное явленіе. Призванная къ жизни усиліями монарховъ русская печать съ конца XVIII столѣтія и до 1855 г., то-есть всю первую половину XIX, влачить жалкое существованіе подъ гнетомъ неумолимо-строгой цензуры, заподозрѣнная, поднадзорная, безправная, укрывающая свои мысли за «эзоповскимъ» языкомъ. Императоръ Николай I защищаетъ Пушкина и Гоголя отъ нетерпимости «малыхъ правительствъ» (Тібунаух). Императоръ Александръ I даетъ либеральнѣйшій цензурный уставъ 1804 г., но это не мѣшаетъ строгости цензуры его времени, превосходившей придирчивостью даже папскую.

Въ запискѣ «О цензурѣ въ Россіи», поданной въ 1826 г. Фаддеемъ Венедиктовичемъ Булгариннымъ, «извѣстнымъ издателемъ журналовъ», такъ характеризуется цензура первой четверти XIX вѣка: «Почитались оскорбительными для вѣры: отечественное небо, небесный взглядъ, ангельская улыбка, божественный Платонъ, ради Бога, ей-Богу, Богъ одарилъ его, онъ вѣчно занятъ былъ охотой и т. п. Даже папская цен-

зура позволяеть сія выраженія. Всякая статья, гдѣ стоитъ слово правительство, министръ, губернаторъ, директоръ, запрещена впередъ, что бы она ни заключала. Но тотъ, кто искусными перифразами можетъ избѣжать запрещенныхъ цензурою словъ, часто заставляеть ее пропускать непопозволительныя вещи. Цензура не позволяеть извѣщать публику безъ согласія начальствъ разныхъ областей правленія о всенародныхъ происшествіяхъ, парадахъ, фейерверкахъ, гуляньяхъ, экзаменахъ въ казенныхъ и частныхъ заведеніяхъ и о феноменахъ природы. Кто бы подумалъ, что для помѣщенія извѣстія о градѣ, засухѣ, ураганѣ должно быть позволеніе министерства внутреннихъ дѣлъ? Отъ этого періодическія изданія потеряли свою занимательность, ибо издатели, будучи обязаны для напечатанія нѣсколькихъ страничекъ обѣгать всѣ министерства и часто безъ успѣха, вовсе отказываются отъ помѣщенія отечественныхъ извѣстій. Въ повѣстяхъ нельзя сказать: женихъ поцѣловалъ свою невѣсту, но посмотрѣлъ на невѣсту; вмѣсто: онъ любилъ ее, должно говорить: онъ хотѣлъ жениться и т. д. Запрещено строжайше, даже въ переводахъ съ иностраннаго, представлять камергеровъ, министровъ, генераловъ и особенно князей и графовъ иначе, какъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ и людьми добродѣтельными» ¹⁾).

И такая цензура развилась при дѣйствіи либеральнаго устава 1804 г., представляя который, академикъ Озерецковскій писалъ: «Благо, истекающее изъ благоразумной свободы печати, такъ велико и прочно, зло же, сопровождающее злоупотребленіе этою свободою, такъ рѣдко и мимолетно, что нельзя не сожалѣть о необходимости, въ которую ставится правительство, во всѣхъ прочихъ дѣлахъ рѣшительно вступившее на почву либеральныхъ принциповъ, полагать границы этой сво-

¹⁾ См. паши статьи: «Очерки николаевской цензуры». «Историческій Вѣстникъ». Сентябрь — декабрь. 1901 г.

бодѣ, вынуждаемое къ этой мѣрѣ опытомъ, обстоятельствами минуты или же могучимъ потокомъ духа времени».

Но цензура второй четверти XIX столѣтія далеко оставила за собой цензуру первой его четверти, превосходившую даже «папскую». Свидѣтель—тотъ-же Булгаринъ.

Въ 1835 г. онъ пишетъ просвѣщенному и либеральному цензору Никитенко:

«Было время тяжкое, во время Магницкаго и Аракчеева, но ни одна моя статья въ то время не была запрещена даже Крассовскимъ, и всѣ романы прошли безъ помарокъ и безъ преслѣдованій... Почтенные господа цензоры, будьте справедливы! И для васъ есть потомство!»

Черезъ четыре года, 11-го января 1839 года, Булгаринъ пишетъ: «Прошу васъ покорнѣйше, при свиданіи съ Фрейгангомъ, припомнить вашему товарищу, что я и Гречъ не рабы г. Фрейганга, не отданы ему въ услуженіе, и что мы не беззащитные сироты, которыхъ можно угнетать въ угоду кому угодно; а что г. Фрейгангъ дѣлаетъ съ нами,— это ужасъ! Только что принесли къ нему «Пчелу», тотчасъ за красныя чернила и пошелъ чертить, не обращая вниманія на концы и выводы. Этого не бывало и при Магницкомъ. Терпѣніе истощается».

«Не обвиняю васъ! Время!!! — пишетъ Булгаринъ въ 1845 году,— а мы, дураки и скоты, плакали во времена Магницкаго и Рунича! Да это былъ золотой вѣкъ литературы въ сравненіи съ нынѣшнимъ!..»

18-го января 1848 г. Ѳ. В. Булгаринъ пишетъ: «Пересмотрѣлъ я статью очесами великаго Торквемады, перваго инквизитора всѣхъ Испаній стараго и новаго свѣта, вооружась при этомъ смѣлостью Фрейганга и понятіями цензора же Крылова, и передъ Богомъ и людьми не вижу ничего, что-бъ могло быть подвержено толкованію самыхъ ухищренныхъ фарисеевъ... Какъ писать романъ изъ жизни, не касаясь житейскаго? Ужели это вредно церкви, престолу, отечеству, нравственности и спокойствію гражданъ? Мнѣ, право, плакать хочется!»

Въ 1853 году, когда министр народнаго просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ запретилъ «Сѣверной Пчелѣ» напечатать разборъ русской грамматики, составленной «великимъ ловцомъ» чиновъ, звѣздъ и арендъ И. И. Давыдовымъ, членомъ отдѣленія российской словесности академіи наукъ, мысль, что судьбы печати и литературы въ рукахъ такого невѣжды, до того взволновала Фаддея Булгарина, что его три раза вырвало желчью, когда онъ проѣзжалъ на извозчикѣ мимо Пассажа...

III.

Въ чемъ причины возможности такой цензуры? Она не была въ намѣреніяхъ монарховъ, слишкомъ для того просвѣщенныхъ и всѣми дѣйствіями своими показывавшихъ чрезвычайное свободомысліе. Достаточно сказать, что оба монарха, и Благословенный, и императоръ Николай, разсмотрѣли и одобрили проектъ государственнаго преобразованія Сперанскаго — послѣднее слово либерализма. Мы называемъ цензуру первой половины столѣтія «александровскою», «николаевскою», потому что преслѣдованія печати производились монаршимъ именемъ и обществомъ относились къ личности самого монарха. На ненормальность такого порядка указывала комиссія по дѣламъ книгопечатанія 1862—1863 гг.

«Нѣтъ ни одного государства, въ которомъ бы распоряженія по цензурѣ объявлялись отъ имени верховной власти. Во время существованія цензуры во Франціи, Германіи и другихъ государствахъ никогда запрещенія статей или взысканія за оныя не дѣлались отъ имени монарха. Взысканія, исходя отъ верховной власти, всегда принимаются за выраженіе личной оцѣнки Государемъ Императоромъ достоинствъ или недостатковъ извѣстнаго ученія, мнѣнія или направленія». (Проектъ устава книгопечатанія).

Въ самомъ дѣлѣ, въ сороковыхъ годахъ высочайшимъ пменемъ объявлялись выговоры «Сѣверной Пчелѣ» за непочти-

тельный фельетонъ о петербургскихъ ломовыхъ извозчикахъ. Невольно являлась мысль: неужели монарху есть время углубляться въ газетные фельетоны? Такимъ образомъ, къ личности монарха относили подчасъ совершенно курьезныя распоряженія «малыхъ правительствъ», какъ будто бы онъ лично держалъ цензуру. Подробное и безпристрастное изученіе исторіи русской цензуры приводитъ насъ къ выводу, что цензура первой половины XIX ст. была дѣломъ не монарховъ, но подданныхъ. Она обусловлена была невѣжествомъ общества. Это невѣжество проявлялось прежде всего слабымъ спросомъ на печатное слово и равнодушіемъ къ судьбамъ печати, литературы и писателей. Немудрыя потребности малограмотнаго общества выражались спросомъ на «легкое чтеніе» и, поощряя легкомысленнаго враля-фельетониста, топили писателя серьезнаго. Писатели и печать не имѣли покровителя въ властной потребности общества, какового имѣеть всякій портной, всякій булочникъ, всякій сапожникъ. Нельзя учредить цензуру сапогъ, булокъ, панталонъ, ибо безъ всего этого публика не можетъ обойтись. А безъ газеты, журнала, безъ книги и писателя совершенно легко обходилась. Второе проявленіе невѣжества — раздражительная нетерпимость, процитывавшая все общество отъ верхняго слоя до нижняго. Доносы и анонимныя письма шли по цензурѣ всегда тысячами. О вкусахъ публики російской «зернистой» свидѣтельствовалъ еще Николай Полевой:

«Разнообразіе», болѣе или менѣе занимательное, смѣсь полезнаго съ пріятнымъ, большею частью переводы; стихи, какъ необходимость; ученые статьи изрѣдка, и то, какъ балластъ на корабляхъ; критика (которая, однакожъ, не основывалась еще на твердыхъ, неизмѣнныхъ правилахъ); споры, несогласіе мнѣній—вотъ что занимаетъ нашу публику, составляетъ наши повременныя изданія и вѣрно изображаетъ сущность нашей нынѣшней литературы».

Это было сказано относительно читателей 20-хъ годовъ XIX столѣтія. Но и на порогѣ XX вѣка читатель почти та-

кой же. Это подтверждают хотя бы наблюденія надъ русской читающей публикой, собранныя въ известной книгѣ г. Рубакина.

А что такое русская нетерпимость, позналъ Гоголь послѣ представленія «Ревизора». 15 мая 1836 года онъ пишетъ Погдину: «Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь; не сержусь, что сердятся и отварачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственные черты и бранятъ меня; не сержусь, что бранятъ меня непріатели литературные, продажные таланты. Но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицей; грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и ослеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водить за носъ. Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у васъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. «Онъ зажигатель! Онъ бунтовщик!» И кто же это говоритъ? Это говорятъ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные, люди, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума, чтобы понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными, и которыхъ свѣтъ,—по крайней мѣрѣ, русскій свѣтъ,—называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, — и всѣ въ ожесточеніи: «Зачѣмъ выводить на сцену плутовъ?» Пусть сердятся плуты! Но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ».

«Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы... Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы, меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны. Но жизнь петербургская ясна передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея,—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники?»

Нѣсколько ранѣе, 29 апрѣля, Гоголь писалъ Щепкину:

«Всѣ противъ меня; чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого; когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ лицахъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня... Еслибъ не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея».

Разительна эта характеристика русскаго общества и положенія въ немъ писателя!

«Всеобщее невѣжество, движущее столицей», — вотъ стихія, съ которой сталкивается писатель.

«Невѣжественная раздражительность» возбуждается каждымъ честнымъ, прямымъ, искреннимъ словомъ писателя. Эта «невѣжественная раздражительность» — корень и источникъ доносовъ, подкоповъ, репрессій и цензурнаго гнета. Эта «невѣжественная раздражительность», признакъ «глубокаго» невѣжества, «разлитаго», по выраженію Гоголя, въ высшихъ классахъ русскаго народа, дѣлаетъ то, что сплошь и рядомъ общественнымъ мнѣніемъ управляетъ презрѣнный шутъ, котораго само же общество опозорило и ошледало. «Глупѣйшее мнѣніе» этого шута «водитъ за носъ» общество, потому что оно хочетъ обманываться, отворачивается отъ истины, стремится со своими язвами, болячками, пролежнями — въ тѣнь и въ темь.

«Всѣ противъ меня, — съ скорбнымъ изумленіемъ свидѣтельствуешь Гоголь, — чиновники кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня». Въ результатъ этого «невѣжественнаго раздраженія» литераторовъ, купцовъ, полицейскихъ и чиновниковъ — хлопоты о запрещеніи, о соответственномъ «циркулярѣ», воздѣйствіе «снизу вверхъ», которое въ данномъ случаѣ уравнилось противодѣйствіемъ «сверху внизъ», — «высокое заступничество» императора Николая I спасло Гоголя и «Ревизора».

«Всѣ противъ писателя и нѣтъ никакой сколько-нибудь